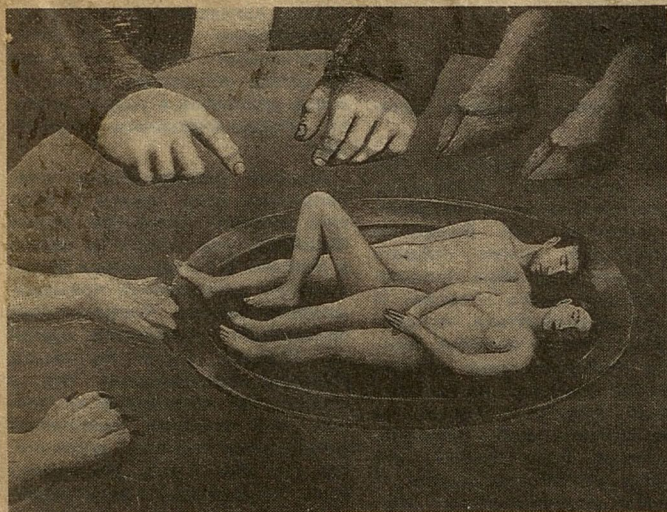

Десятки выставок проходят в многочисленных залах столицы, но одна из них, я уверена, запомнилась как особое событие художественной жизни. Эта выставка — «Татьянин день» в Третьяковской галерее на Крымской, на которой показывала свои новые работы Татьяна Назаренко. Это была выставка-праздник, выставка-именины, встреча друзей, коллег, любителей искусства.

Ее автор — известная и любимая многими художница Татьяна Назаренко выглядела настоящей именинницей: красивая, эффектная, импульсивная, в ярко-красном экстравагантном туалете, она принимала поздравления, выслушивала дифирамбы своему творчеству, комплименты поклонников, музыкальные мадригалы. Залы были переполнены, все было радостно оживлено и благосклонно друг к другу. Все хорошо знали творчество Татьяны, помнили наизусть ее картины на современные и исторические темы, и поэтому, впрочем, как обычно на вернисаже, мало кто внимательно смотрел на развешенные по стенам новые работы художницы. У меня тоже из-за толчеи, множества знакомых не было возможности сосредоточенно посмотреть выставку. Но общее впечатление было сильно и осталось надолго, а оно всегда бывает самым точным. Это было впечатление тревоги, боли, ожесточения, чувство враждебности мира.

Конечно, были на выставке и прекрасно написанные натюрморты, букеты, сверкающие отблесками свечей религиозные композиции, но не они определяли впечатление, а иные картины. Те, где были изображены маленькие обнаженные беззащитные человечки в окружении каких-то чудовищ со звериными головами, тянущих к ним лапы и копыта. Эта символическая сцена глумления враждебных сил над че-

ловеческими существами вызвала дрожь. Еще страшнее, когда перед этими тупыми мордами оказывался сам автор. Вот она нагая, женственная, беспомощная перед равнодушными взглядами чужих людей. А здесь и вовсе жуткий сюжет — на столе обнаженный торс с автопортретными чертами, а вокруг скалят зубы, ухмыляются существа со свиными и ослиными головами и тычут вилок в живую плоть. Хотя картина написана в беспощадной реалистической манере, эти фантазмагорические сцены, конечно, аллегории, от них веет мистическим настроением.

Трудно было представить больший контраст, чем жизнерадостный облик художницы и всей атмосферы выставки «Татьянин день» и мира изображенного, вызванного к жизни фантазией художницы, раскрывающий внутренний конфликт ее души.

Когда мы встретились в мастерской Назаренко на Масловке, воспоминания о выставке еще были живы.

Л. К. Татьяна, когда наблюдаешь со стороны, то кажется, что ваша судьба сложилась удачно: вы признанный мастер современной живописи, ваши картины много выставляются, они всегда в центре внимания публики. Критики называют ваше имя в числе «художников-семидесятиников» — наиболее яркого поколения нашего изобразительного искусства. Наконец, в прошлом году вам присуждена Государственная премия России. Надеюсь, вы счастливы в личной жизни — у вас заботливый муж, прекрасные сыновья. Почему такой надрыв в последних работах? Откуда чувство одиночества? Что-то нехорошо?

Т. Н. Когда мне хорошо, радостно — я не пишу. Моменты счастья я ценю как жизнь. Общение с друзьями, с семьей, красивый закат, море — я все

Татьяна Назаренко

Я ПИШУ, КОГДА БОЛИТ ДУША

Культура. — 1994. — Июль. — С. 9.

это остро, эмоционально переживаю. Но хорошее быстро проходит, его не удержать. Трудного и сурового в жизни больше. Я работаю, когда мне трудно, в состоянии стресса. Когда болит душа, когда во мне накопилось. Я все пропускаю через себя и выплескиваю на полотно. А сейчас особенно трудно. Иногда мне кажется, что все, что я делала, во что верила, что любила, теперь никому не нужно. Отсюда и моя композиция «Обломки» — в ней обломки моих картин, моих героев, и я, угрюмая и разбитая, под этими обломками. Тогда мне показало, что все рушится, был какой-то душевный надлом... А я свои работы очень люблю, готова защищать их своим телом. Когда однажды без моего ведома были проданы мои картины и я вошла в пустую мастерскую — я просто зарыдала...

На выставках картины Татьяны Назаренко всегда вызывают острый интерес: о них спорят, их толкуют по-разному, одни безоговорочно принимают, другие относятся скептически. Меня лично всегда привлекают неординарность ее решений,

самостоятельность взгляда на современные и исторические события, неожиданное взаимодействие настоящего и прошлого в ее живописи. И какая-то загадочность, многозначный подтекст, скрытый за внешней обыденностью сюжетов.

Казалось бы, самые простые темы — семейная жизнь, дружеское застолье, художник в своей мастерской, народное гулянье, но художница говорит о них эпическим языком, создает созерцательное настроение путем глубокой насыщенной цветовой гаммы, часто соединяет наших современников и исторические персонажи. И жанровые сцены возвышаются в своем смысле — это не сиюминутный быт, а бытие человеческое. Это жизнь простых людей в их естестве, которая была, есть и будет. Люди на картинах Назаренко веселятся и грустят, едят, пьют и танцуют, они часто неуклюжи, некрасивы, комичны, но они такие естественные, узнаваемые, человеческие, что не могут не вызвать сочувствия.

Однако мне показало, что в последнее время взгляд Татьяны стал суровее, язык ее живописи жестче. Сочувствие

сменилось горечью, улыбка — сарказмом. Что повлияло на ваше настроение?

Т. Н. Наша действительность не дает материала для оптимизма. Но сочувствовать людям я не перестала. Наоборот. Я вообще считаю себя социальным художником, и отношусь к искусству очень серьезно. Так же, как и другие художники моего поколения. Мы воспитаны в сознании, что искусство не развлечение, а работа мысли. Что художник — вечно заложник у времени в плену. Пусть это не покажется преувеличением. Мы действительно всегда были озабочены какими-то проблемами. Но у меня ощущение, что сейчас это никому не нужно. Когда я выставляюсь — и у нас в стране, и за рубежом,

суровыми темными красками, светятся только отрешенное лицо и рука в молитвенном жесте. Художница достигает в картине такой силы обобщения и эмоционального драматизма, что изображение становится как бы скорбным образом современной богоматери. Такой глубины даже трудно было ожидать от обычной «карнавальной» Назаренко.

Т. Н. Меня всегда потрясает эти нищенки в переходах. Они для меня как символ страданий народа. Я очень остро переживаю все, что происходит в России, наверное, поэтому мое искусство стало более «горьким». Меня удивляют молодые художники, наши авангардисты, которые относятся к искусству, как к игре, занимаются какими-то фокусами с фор-

прос: в каком направлении пойдет развитие современного искусства?

Т. Н. Я понимаю, что в искусстве должны быть разные направления, и пусть молодые работают по-своему. Но меня смущает само отношение их к форме. Все сделано нарочито небрежно — прорванные холсты, подвешенные на веревках бумажки. Чувствуешь, что художник не любит свой материал. Во всем какая-то временка, будто автор хочет сказать: да мне плевать на все это! Вот растопчу и выкину! Так доходит до беспредела. Для меня это совершенно неприемлемо. Я сама трепетно отношусь к холсту, к краскам, к самой живописи.

А тут еще услышала от одного критика с трибуны — семидесятиники умерли, они больше никому не нужны! Это я умерла?! Да я еще докажу, что многое могу, что мне есть, что сказать. И надеюсь, что кто-то меня поймет.

Л. К. Таня, давайте все же прислушаемся к аргументам художников «нового взгляда». Они разрушают «ткань» своих композиций, рвут и крошат материал, чтобы выразить временность всего сущего. Сигнализировать, что мир на грани катастрофы — экологической, военной. В этом состоит концепция их творческого метода. Они и не рассчитывают на жизнь в века.

Т. Н. Да я никогда не соглашусь с этим! Наверное, у людей разный характер. Кто-то живет сиюминутностью — после нас хоть потоп. Работы этих художников не могут сохраниться, они просто распадутся материально. А я хочу, чтобы мои работы остались в музеях, в коллекциях. По-моему, это нормально для художника. Вот я сейчас могу часами бродить по музею и долго рассматривать какой-нибудь этюд малых голландцев. И нахожу в нем что-то для себя. Может, кто-нибудь в будущем остановится и перед моей картиной и узнает о нашей жизни, прочтет мои мысли...

Людмила
КРАМАРЕНКО.

● Ужин.

● Татьяна Назаренко на своей выставке.

● Вал.

Фото В. Ахломова.

то редко нахожу понимание. Вот и возникли мои картины с чудовищами, которые окружают художника, издеваются над ним. Но я все равно пишу то, что хочу, и складываю в мастерской. Я не могу притворяться, ломать себя. Конечно, приходится писать что-то и на продажу, к счастью, находят люди, которым мои работы интересны и которые хотят их купить.

Когда Татьяна Назаренко показала мне свою новую композицию «Время» из пяти картин, в центре которой большое полотно с изображением нищенки с ребенком, я почувствовала, что она действительно «социальный художник». Нищенка написана с большой силой, в монументальном стиле,

мой. Я понимала ранний андерграунд, который был протестом против официального искусства, против нормативности, лжи. А теперь ушло главное — ради чего?

Наш разговор перешел к выставке на Кузнецком мосту под названием «Новый взгляд», организованной «Московской галереей», на которой были показаны разные направления московского искусства. Традиционные натурные пейзажи мастеров старшего поколения соседствовали с экспрессивными абстракциями молодых авторов, серьезные живописные работы спорили с «авангардными» инсталляциями. Была представлена и работа Назаренко.

Выставка как бы ставила во-